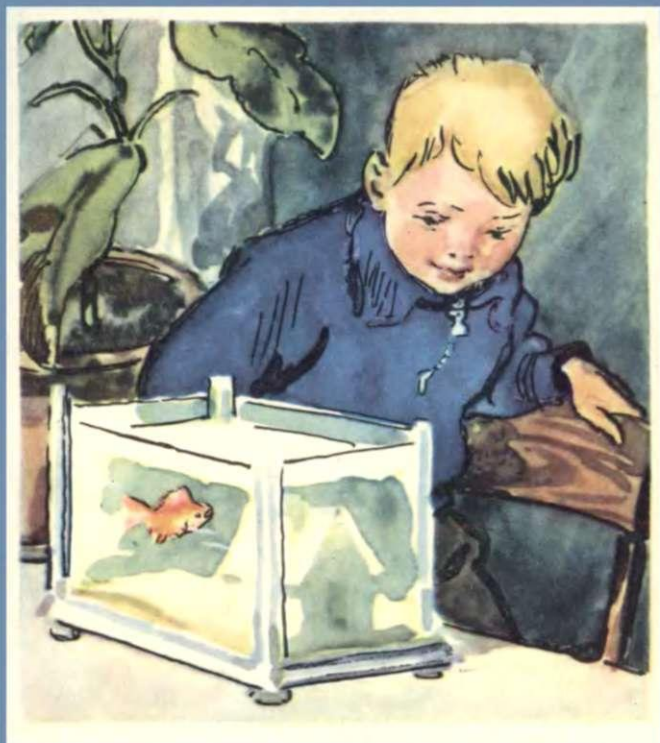

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Мосиф Дик

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ИОСИФ ДИК

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

РАССКАЗЫ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

П Е Р Е И З Д А Н И Е

В этой книге собраны рассказы Иосифа Ивановича Дика, написанные им в разные годы.

Многим юным читателям уже знакомы книги И. Дика: «Огненный ручей», «В нашем классе», «Коза на вертолётё», «Синий туман», «Девчонки и мальчишки», «В дебрях Кара-Бумбы» и другие. Некоторые произведения писателя были премированы на Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу для детей, а фильм «Смелого пуля боится», поставленный по его сценарию, получил вторую премию на международном кинофестивале в Дели, в котором участвовали 117 стран. У ветерана Великой Отечественной войны Иосифа Ивановича Дика весёлое и умное перо. Его книги учат доброте и мужеству и всегда заставляют задумываться над тем, каким должен быть юный гражданин нашей Советской страны.

Рисунки В. Ладыгина

ЛОДОЧНЫЙ МОТОР

В воскресные дни мальчишкой-первоклассником я очень любил гулять со своим дядей по Москве. Дядя Сима работал в каком-то статистическом управлении и частенько говорил, что ему по ночам снятся цифры. Он был невысоким, полным и толстой шеей и бритой головой походил на борца. Я замечал, что у дяди Симы левое ухо было маленькое, а правое – больше, но ему об этом не говорил. А это, вероятно, произошло оттого, что он всё время дёргал себя за правое ухо.

Зимой ли это было или весной, мы выходили из дому часов в одиннадцать и первым делом направлялись в маленькое кафе. Здесь дядя брал для меня пирожное и чай, а сам выпивал бутылку пива.

– Ну как, увеличил баланс? – спрашивал он меня, когда я, оканчивая завтрак, пытался ложечкой подцепить со дна стакана нерастаявший сахар. – А теперь куда пойдём? За Можай или ближе?

Довольный, отдуваясь, я хлопал себя по животу и тут же отвечал:

– Давай за Можай!

Дядя вытирал платком мой нос и, напевая военный марш – я вёл на губах партию барабана, – выходил из кафе.

Шагали мы с ним, куда ноги приведут. Шли на Пушкинскую площадь, где в огромных окнах редакции газеты «Известия» красовались любопытные фотографии. Отправлялись в Сокольники на «собачью» выставку, где однажды видели самую настоящую охоту. Там в деревянную нору была посажена лиса, а на неё натравливали фокстерьера. Заглядывали мы также в окна какого-то завода, за которыми бухал паровой молот, рассматривали в витринах комиссионных магазинов фарфоровые сервизы с портретами каких-то графов, курительные трубки и парусные корабли из слоновой кости с сигнальными фонарями на мачтах.

А однажды в тёплый майский денёк мы поехали на Коптевский рынок. Народу здесь было полно. В одном ряду продавались автомобили. Они были всех видов: приземистые и узкие, чёрные и оранжевые, с откидным тентом и без тента, с разбитыми фарами и хромированными бамперами. Тут же можно было купить и покрышку, и камеру, и бидон для бензина, и аккумулятор – короче говоря, весь автомобиль в разобранном виде.

Над другим рядом раздавался оглушительный рёв: там продавались мотоциклы.

И вдруг среди мотоциклов мы увидели лодочный мотор. Он был похож на вертящийся круглый табурет, который ставят к роялю. Прокопчённый и замасленный, он лежал на газетке, и ржавые его лопасти врезались в землю. Продавала его какая-то женщина. Дядя поставил мотор на подвернувшийся кирпич и начал осматривать.

– Работает? – спросил он.

– За милую душу тарыхтит, – отозвалась женщина.

– Сколько весит?

– Да кто его знает... Муж говорил, килограммов двадцать.

– А как его попробовать?

– Накинь верёвочку вот на этот кружок и дёрни за неё! – И женщина сама обмотала шнурком магнето.

В бензиновом баке плескалось горючее. Дядя дёрнул за верёвочку, и тут же мотор взревел. Нас заволокло белёсым дымом, оглушило треском и осыпало пылью, которая взмыла от вертящихся лопастей. Дядя, державший мотор, завибрировал всем телом.

– Как его остановить?! – прокричал он, еле-еле сохраняя вертикальное положение.

– Да тут какую-то кнопку надоть нажать! – забегала женщина. – Эх, как его раскрутило!

– Товарищи! – крикнул дядя мотоциклистам. – Остановите!

Наконец с помощью какого-то человека в кожаных штанах спасительная кнопка была найдена, и мотор, чихнув два раза, будто недовольный, заглох.

– Кто ж его без воды пробует? – укоризненно покачал головой наш спаситель. – Эдак его и запороть недолго. – И он пошёл дальше, перекинув через плечо, как солдатскую скатку, мотоциклетную покрывку.

– Ну и штучка, хороша! – сказал дядя и обернулся ко мне. – Покупаем, а? Поедем на дачу, рыбку будем ловить, в поход отправимся!..

– Конечно, покупаем! – ответил я, потому что сразу себе представил путешествие на лодке по бурным волнам, разные штормы и громы и открытие неизведанных островов. С дядей, я знал, не пропадёшь.

Домой мотор мы везли на такси, и дядя и я запачкали маслом себе брюки. А потом на дядю, когда он взял попку на плечо, потёк из бака бензин. Но это, конечно, была не беда, если не считать того, что дядя дома боялся закурить.

Мы соорудили над ванной деревянный помост – это я принёс из сарая доски – и привернули к нему, как мясорубку, специальными винтами мотор. Потом стали напускать в ванну воду. Вскоре «озеро» было готово. Я позвал всех соседей и тётю Машу, дядину жену.

Дядя начал запуск. Дёрнул за шнурок раз – мотор не зажёлся. Дёрнул два – только фыркнул. Дёрнул ещё – не пошло.

Тётя Маша хлопнула дядю по лбу и ушла в комнату.

– Дай-ка теперь я! – сказал токарь Павел Артемьевич и

так рванул за верёвку, что всё сооружение с досками и мотором упало в ванну.

Через минуту всё опять было восстановлено.

– А что, если горячей воды в ванну налить? – вдруг предложил токарь. – Ей-богу, заведётся!

– Идея! – согласился дядя.

Мы зажгли газовую колонку.

Когда кипяток заполнил ванну, дядя плюнул себе в ладонь.

– Расходись! – решительно сказал он. – Пан или пропал!

И тут свершилось чудо. Мотор завёлся! Вода бешено забурлила и бросилась через край ванны. Горячие брызги полетели в нас. Этого никто не ожидал.

Мы выскочили в коридор. Из ванной повалил чёрный дым, на паркет хлынула вода с облаком молочного пара, и в коридор ворвался оглушительный треск.

– Маша! – радостно закричал дядя, стоя на пятках. – Смотри, работает!

Тётя на секунду приоткрыла дверь своей комнаты.

– Ты совсем тронулся! Тут ведь пожар будет!

Но такое обстоятельство дядю не очень огорчило. Его подбадривала наша поддержка. Я кричал и хлопал в ладоши. Токарь говорил:

– Покупка законная! Теперь в самый раз её обмыть!..

После этого вечера, помнится мне, дяде ни разу не удалось запустить мотор в холодной ванне. Тётка над ним смеялась:

– А кто же тебе реку будет подогревать?

Дядя стал приглашать к себе по воскресеньям разных мастеров, и поэтому на время наши прогулки прекратились. Но всё равно я к нему приходил в выходные дни. Мастера собирали и разбирали мотор, меняли состав смеси бензина с маслом, регулировали магнето, дёргали за верёвку бесчисленное количество раз – и всё было впустую!

Из тёткиных разговоров получалось, что из-за мотора дядя совсем забросил работу и семья уже начала влачить жалкое существование. Оказывается, дядя – эгоист и не хочет уюта. Он любит грязь и бензиновую вонь и стал водиться с какими-то типами, которые его обдуривают. У других мужья – солидные люди, а дядя, оказывается, теряет уважение всех знакомых: ходит весь в пятнах на шляпе и на пальто.

Но я с такими разговорами тёти Маши никак не мог согласиться. Наоборот, дядю за последнее время я куда больше полюбил. У него в доме появились разные гаечные ключи и плоскогубцы, он ходил по дому в промасленных и лоснящихся, как кожа, штанах, а руки он мыл уже не мылом, а керосином и вытирал их какой-то рваной тряпкой. Я готов был пойти к нему в сыновья, и, если бы не моя собака Стёпка, которую не любила тётя Маша, но с которой я не мог расстаться, я давно бы ушёл к нему.

Но вот однажды в воскресенье, когда я пришёл к дяде, тётя Маша, открывая мне дверь, радостно сказала:

– Слава богу, отыгрался твой дядька! Забросил свою игрушку! И ты иди-ка лучше домой.

В полутёмном коридоре я заметил в углу сиротливо стоявший лодочный мотор. Лопасты и бак с него были сняты. Видно, кто-то пытался его опять разбирать, да потом раздумал.

А вскоре в Москве началась жара. Папа и мама уехали в санаторий на Волгу, а меня отправили к тётя Маше на дачу.

Наш домик с толевой крышей и кособоким крыльцом стоял в трёх километрах от Икшинского водохранилища.

С утра до вечера я вертелся на лодочной пристани. Смотрел на рыбаков, которые привозили с того берега вёдра живой рыбы, помогал рыбакам устанавливать на лодках «подъёмники» и, главное, нырял с мальчишками без счёта прямо с пристани в канал.

Тётя Маша мне сказала: «Ты смотри не утони, а то я отвечать за тебя буду», – и, получив ответ: «Честное слово, не утону», моими речными делами больше не интересовалась. И это было кстати.

Тут у меня на берегу завёлся друг Толяй, сын заведующего лодочной станцией, худощавый, загорелый мальчишка с выбитым передним зубом. Ему было лет двенадцать, и делали мы с ним что хотели: прицеплялись за движущиеся баржи, варили уху из рыбёшки, позаимствованной у рыбаков, «топили» девчонок.

Как-то раз дядя привёз на дачу мотор. Я знал, что он его уже трижды относил на рынок и предлагал в комиссионный магазин, но его почему-то никто не брал.

Наутро, положив (потихоньку от тётя Маши!) на правое

плечо подушку, а на неё мотор, дядя отправился со мной на водохранилище. По дороге он несколько раз останавливался, опускал мотор на землю и подолгу осматривал его. Я предлагал свою помощь, но дядя, сказав, что «он» лёгкий, дал мне нести только верёвочку. Пот с дяди тёк ручьями, но он весело мне подмигивал и говорил:

– Любишь кататься – люби и саночки возить! Сегодня мы его обязательно запустим. Поедем отсюда к чёрту на кулички, вылезем на берег и будем бегать, как Робинзон и Пятница. Хочешь? Я даже хлеба в карман захватил. А знаешь, я ещё мальчишкой мечтал о таком моторе. Особенно хотелось мне рулить...

Ну как дядя угадывал мои желания! Мне тоже думалось: вот сядем сейчас в лодку, запустим мотор, а потом я – за руль! Повороты буду делать, зигзаги и к какому берегу захочу, к такому пристану.

Взяв на лодочной станции однопарную шлюпку, мы укрепили на ней мотор, и я выгреб на середину разлива. Дёрнули мы с дядей за верёвку часа полтора. Мотор даже не чихнул. Наконец дядя снял с себя рубашку и лёг на дно лодки.

– Чёрт с ним! – сказал он. – Всё равно приятно, что у нас мотор. Суши вёсла!

Мимо нас проплыл белоснежный пароход. Какой-то пассажир помахал нам соломенной шляпой: дескать, хорошо на моторке!

Вода в заливах, окаймлённых дремучим лесом, была словно чёрная тушь. На красных пузатых бакенах сидели чайки и удивлённо поглядывали на автоматически зажигающиеся лампочки. А справа и слева от водохранилища, похожего на огромное озеро, лежали зелёные луга, перелески и снова луга. Вдали, на возвышенностях, стояли речные маяки, словно трёхногие марсиане с глобусными головками.

Потом я опять взялся за вёсла, и мы подъехали к берегу. Он был пустынный. Мы развели костёр и на тоненьких прутиках поджарили свой хлеб. В лесу я нашёл землянику, собрал полную пригоршню и сказал дяде:

– Закрой глаза, открой рот!

Он жевал землянику и не открывал глаз до тех пор, пока не проглотил её всю.

В этот день мы объездили два залива, причаливали к затопленным деревьям и забирались на их макушки.

Домой дядя снова тащил три километра на подушке свой мотор и приговаривал:

– Нет, а здорово мы с тобой отдохнули, а?

У калитки нас встретила тётя Маша.

– Опять за старое, Серафим?! – сказала она. – Меня не слушаешь, так хоть бы людей постыдился. На кого похож: брюки подвернул, босой, шея в саже... Смотреть даже противно! А ведь ты начальник отдела...

И тётя почему-то стукнула меня по спине.

Вскоре тётя Маша уехала на целый день в Москву, а я на даче остался один. Я пригласил к себе в гости Толяя – он приехал на велосипеде – и показал ему мотор.

– Не работает? – спросил он.

– Нет.

– Чепуха! – заявил Толяя. – У меня заработает.

Он, оказывается, уже однажды возился у себя на лодочной станции с таким мотором.

Мы привязали мотор к велосипедному багажнику и повезли на водохранилище.

Толяя жил неподалёку от лодочной станции. Он принёс бутылку чистого авиационного бензина, и мы установили мотор на лёгкую шлюпку.

Я отрёб подальше от берега, и Толяя дёрнул за верёвку. Мотор так рванул вперёд, что мы чуть-чуть не выпали из лодки! Под носом зашумела вода.

– Хватай за руль! – закричал я и кинулся к Толяю.

В этот момент тонкая, а может быть, и подгнившая доска на корме, к которой был прикреплён мотор, разломилась, и наш мотор бухнулся в воду.

– Ты что сделал?! – закричал я и схватил Толяя за воротник. – Прыгай за ним!

– Отпусти, – сказал Толяя. – А то банок заработаешь... Что же делать? Здесь глубина – семь метров!

Проплыл быстроходный катер, большая волна отнесла нас в сторону, и через минуту мы уже не могли точно сами себе указать, в каком месте были погребены три лошадиные силы.

Ехать на велосипеде с водохранилища Толяю было легко.

Но мне тяжело: душа у меня разрывалась от горя. Дядька, я чувствовал, меня, пожалуй, убьёт за такую потерю. Да и от тётки влетит. Хотя она и была против мотора, но всё-таки это вещь и денег стоит. Провались пропадом вся эта дача и всё это водохранилище! И надо же было сегодня туда поехать! Да и от мамы попадёт: она ведь должна будет заплатить деньги за мотор...

На даче за столом сидели уже приехавшие из города дядя Сима, тётя Маша и с ними какой-то человек в галстуке и в очках.

– А-а... племяшек, купался? – сказал дядя. – Вот познакомься, инженер Соломон Моисеевич, самый что ни на есть конструктор этих лодочных моторов. Готовь наш аппарат. Он его живо наладит. И сегодня же мы отправляемся в ночной поход.

Тётя Маша опять постучала рукой себя по лбу и принялась разливать чай.

– А чего его готовить?.. – тихо сказал я. – Он уже... готов.

– Что же, ты его уже отнёс на канал? – поинтересовался дядя.

– Да.

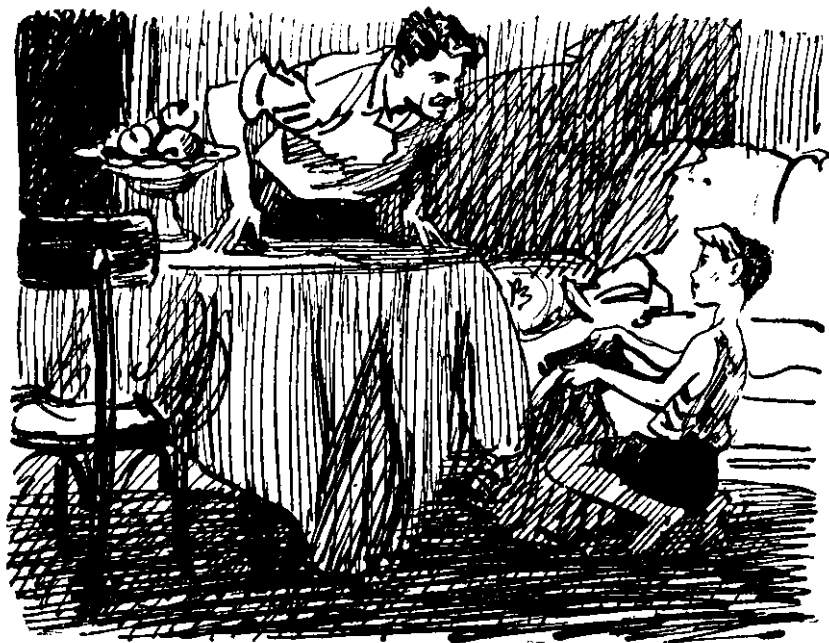
– И где ты его оставил?

– На дне, – ответил я в открытую. – Мы стали запускать, а он... он потонул.

– Утонул? – обрадовано спросила тётя и, подскочив ко мне, поцеловала меня. – Вот умник! Вот спасибо! Честное слово, утонул?

А дядя ни слова мне не сказал. Он задумчиво подпёр кулаком подбородок и стал смотреть в окно, за которым искрилась полоска водохранилища и виднелся высокий серебряный маяк, похожий на марсианина.

В ДОРОГУ

Когда отец уходил на работу, Андрюша, по обыкновению, ещё крепко спал или дремал. В утреннем полусне мысли были какие-то ленивые, неясные и путанные. Андрюша слышал, как мама и папа о чём-то шептались, как на столе звякали чашки, но, сколько раз он ни пытался проснуться в этот момент и сказать: «Ну, папка, до вечера!» – из этого ничего не выходило. А может быть, проснуться не удавалось потому, что Андрюша знал, что он вечером всё равно увидится с отцом – будет слушать его рассказы о заводе, будет с ним бороться на диване.

Отец всегда приходит с завода усталый. Он медленно щепотью пальцев потирает переносицу, на которой красная полоска от очков, затем складывает на груди руки и, уставившись в одну точку, молчит. Но стоит Андрюше после обеда вспрыгнуть к нему на колени и сказать: «Пап, давай бороться, а?» – усы у отца разъезжаются в стороны, а глаза насмешливо прищуриваются.

– Это с кем бороться? – задорно спрашивает он. – С тобой? Да я тебя сейчас одной левой на обе лопатки положу.

Оба они сопят, задыхаются, иногда сваливаются с дивана на пол. Отец не хочет на лопатки ложиться — старается. Но, видимо, из-за того, что силы у них почти равные, выигрывают борьбу они попеременно. То Андрюша кладёт отца, то отец Андрюшу. А потом отец вытирает пот с лица, поправляет рубашку и говорит:

— Ну, повозились — и хватит, пора работать! — и направляется к себе в комнату.

Там у него на столе чертёжная доска лежит, на стенах висят разные лекала, рейсшины и треугольники. А в шкафу в разноцветных переплётках стоят технические справочники.

После такой французской борьбы, говорит отец, ему всегда хорошо работается. Тело становится бодрым, а мысль ясной. Действительно, он засиживается далеко за полночь: вычерчивает какие-то детали, считает на специальной линейке, с цифрами и подвижным стёклышком — такая линейка называется логарифмической, — и роется в справочниках...

Как-то раз, придя с работы, отец за обедом рассказал Андрюше и маме о своих делах на заводе — дела были хорошие — и, помолчав немного, добавил:

— Да, а вот ещё новость... Вызывает меня сегодня директор и говорит: «Семён Петрович, в Узбекистане будет новый завод строиться — хотите ехать?» Я спрашиваю: «Это предложение или приказ?» — «Да как вам сказать... всё от вас зависит. Мне вот предложили подобрать инженеров для командировки, а тут воля моя, кого посылать. По секрету говоря, вы мне и здесь очень нужны». — «Ладно, говорю, надо подумать. Завтра отвечу». Ну, как вы смотрите на это?

И отец почему-то взглянул серьёзно не на маму, а на Андрюшу, будто его слово в семье было самым веским.

— Ура! Едем! — восторженно закричал Андрюша. — Там тигры! Нам пистолеты дадут!

— Подожди, не кричи! Никаких там тигров нет! — сердито сказала мама. — Поехать на строительство — это значит поехать года на два, на три, а может быть, и на всю пятилетку. Это не шутка, как ты хочешь: сразу собраться в дорогу. Надо подумать о том, что нас ожидает...

Андрюша опустил на стул и затих. «Взрослые всегда любят думать, — обиделся он. — А на самом деле нужно так: схва-

тил чемодан и – айда на поезд. А там неважно, что ожидает: пустыня или Ледовитый океан... Хотя, если в Узбекистане будет пустыня, там, наверно, ни кино, ни ребят... Это плохо».

В комнате было отчётливо слышно, как соседка бабушка Авдотья, живущая этажом выше, колола молотком орехи. Удивительная бабушка! Привезла из деревни два мешка орехов и день и ночь их колет.

И вдруг Андрюша тихо сказал:

– Чего тут думать! Никуда я не поеду. Охота была – в какую-то пустыню! А потом, мне нельзя уезжать: я редактор стенгазеты...

– Стенгазета тут ни при чём! – усмехнулся отец. – Ты, наверно, только на готовенькое можешь ехать? Чтобы тебе и ребята были уже там знакомые, и кино с буфетом работало! А как же вот геологи-разведчики годами не бывают ни в кино, ни в театре, а шагают в пустынях, лазают по горам? Им ведь тоже хочется пожить и в тепле и в уюте, а они для нас стараются. И мы должны постараться. Сами же для себя заводы строим.

– Ну, если б я был геологом, я бы тоже без кино обошёлся... – солидно сказал Андрюша. – Они привыкли.

– Ошибаешься. Мне, конечно, тоже жалко расставаться с удобствами, но я всё-таки поеду... то есть думаю поехать, – поправился отец. – И вообще, хватит мне с тобой разговаривать! – почему-то сердито добавил он и пошёл к себе в комнату.

Андрюша поглядел на маму. Она молча собирала посуду. И Андрюше вдруг стало скучно. Уроки были давно сделаны, папа бороться не захотел, – чем бы таким заняться до сна?

И он пошёл к Серёже Петрову, однокласснику и приятелю по играм, который жил через улицу. Не успев повесить пальто, Андрюша, сам не зная почему, весело соврал:

– Серёжа, ты знаешь, зачем я к тебе пришёл? Попрощаться, вот зачем! Завтра мы с папой уезжаем в Узбекистан завод строить.

– Вот здорово! – восхитился Серёжа. – В Узбекистан? А ты не врешь?

– Ну, стану я тебе врать! Папа пришёл и говорит: «Собирайся, Андрюшка, завтра вылетаем на стройку!»

— Это не иначе, как по особому заданию, — завистливо проговорил Серёжа. — Так бы специальный самолёт не дали. Вот счастливый! Я бы тоже согласился поехать. В Узбекистане фруктов много, верблюды ходят...

— Верблюды есть. Там, наверно, пустыня, как в Африке, — подтвердил Андрюша и, вздохнув, добавил: — Только вот своих ребят не будет...

— Эх, ты, географии не знаешь, почитай получше! — засмеялся Серёжа. — Пустыни у нас не в Узбекистане, а в Туркмении. Только насчёт своих ребят — это вот да-а... жалко...

При этих словах и Андрюше и Серёже стало грустно. Они только сейчас почувствовали, как дружны между собой... Но в конце концов они же не навек расстанутся, и к тому же по письмам можно дружить. Пиши, Андрюша, приглашай своего приятеля на лето в Узбекистан!

Уходя от Серёжи, Андрюша обнял товарища и великодушно сказал:

— Знаешь, Серёжка, мой футбольный мяч и электромоторчик, которые у тебя лежат, возьми, себе на память!..

И хотя Андрюша прекрасно знал, что завтра он никуда не уедет, вернулся он домой совсем в плохом настроении. Ему стало очень жалко расставаться со своим городом, где он родился, со своим домом, где очень удобны полированные перила, по которым можно спуститься с четвёртого этажа за одну минуту. И каток, и лыжи — всего было жалко. Ведь там ничего этого не будет. Да что, впрочем, задумываться? Сказано, что он никуда не поедет, значит, не поедет. Заплачет, отговорит маму, и они с ней останутся.

Андрюша разобрал постель и, уже почти успокоенный, хотел заснуть. Но новые мысли продолжали приплывать помимо его воли.

«А что, — думал он, — если отец на стройку и без нас один поедет?.. Вот он уже уехал и приехал туда. Комната у него пустая, зимой холодная. Некому её прибрать, истопить печку. А ведь папе, видимо, придётся и чертежи чертить. И не с кем ему будет бороться, чтобы хорошо работалось. А раз папе не придётся хорошо работать, завод будет строиться медленно. А что, если правда поехать в Узбекистан всей семьёй?»

Андрюша встал коленками на постель и, протянув руку,

вытащил с этажерки тяжёлую книгу. Она называлась «Наша страна». Книгу подарил отец на рождение, но Андрюша её ни разу не читал – всё другими делами был занят. Новенький том издавал лёгкий запах керосина.

«Узбекская ССР» – нашёл Андрюша по оглавлению и уткнулся в страницы. Читал он недолго. Главным образом рассматривал цветные картинки и фотографии.

На картинках были нарисованы высокие минареты с красивыми мозаичными стенами и куполами. На верблюдах и осликах, одетые в разноцветные халаты, ехали узбеки.

А от снимков Ферганской долины прямо нельзя было оторваться. До самого горизонта, как снежное поле, белел хлопок. На деревьях висели яблоки чуть не с футбольный мяч, а виноградные ветви, поднятые подпорками над землёй, так и пригибались от винограда. Подходи и бери сколько хочешь!

Андрюша уронил книгу на грудь.

«Какая страна! – задумался он. – А я считал... Африка. Там получше Африки жить можно. Вот приезжаем с отцом, вокруг своего дома сажаем яблоки и груши, чтобы потом компот варить. А там уже и стены завода рабочие укладывают. У меня приятель мальчик-узбек, мы с ним после уроков в футбол играем. Правда, для этого у Серёжи придётся попросить футбольный мяч обратно, но он не рассердится: моторчик ведь я не забираю.

Играем в футбол, а вместо лыж на верблюдах катаемся. Папа приходит, в комнате чисто, обед готов. Садись и работай! Так проходит год, два, три, а потом... директор завода вместе с папой от всех рабочих пишут рапорт правительству: «Ваше задание выполнено. Завод построен», – и ставят свои подписи».

Андрюша потянулся. У отца в комнате горел свет. Было слышно, как он тихонько напевал. Отвернувшись к стенке, спала мама. Большие настенные часы с маятником, похожим на масляный блин, торжественно выбили двенадцать ударов.

Андрюше не хотелось вылезать из постели – там было тепло, – но он, смело откинув одеяло, спустил ноги на пол.

У Андрюши был свой рюкзак. Подарок отца. Чистенький и выглаженный рюкзак, немного полинявший, лежал в шкафу.

Первым делом он опустил в рюкзак свои инструменты:

плоскогубцы, молоток, стамеску. За ними пошли гвозди, ржавые и кривые, суровые нитки для змея, поломанные замки без определённого назначения, запасная резиновая камера. Предстояло уложить ещё много вещей, которые быгодились на новом месте.

Андрюша так увлёкся сборами, что не слышал, как скрипнула дверь отцовской комнаты и сзади к нему на цыпочках подошёл отец. Он постоял, посмотрел внимательно, как сын аккуратно заворачивал в газету свои тетради, и, ничего не понимая, спросил:

– Ты что это, молодой человек, среди ночи делаешь, а? Андрюша вздрогнул и обернулся.

– Как – что делаю? – удивлённо вскинулись его брови. – В Узбекистан собираюсь. Мы же ведь едем?

Отец растерянно отступил:

– Кто тебе сказал? Мы с мамой ещё этот вопрос не решили. Поговорили просто и отложили до утра. Утро вечера мудренее...

– Ну вот, «отложили»! – недовольно поморщился Андрюша. – А я уже и футбольный мяч и электромоторчик Серёжке подарил. Не брать же обратно!

– Уже подарил? – вдруг широко улыбнулся отец. – Это правда? Ну, раз такое дело – придётся ехать. Ничего не попишешь. И мы завтра так маме и скажем. Ладно?

И хотя он говорил в шутовском тоне, чувствовалось, что назначенный на утро разговор с мамой уже не понадобится...

Отправился Андрюша в Узбекистан через пятнадцать дней. На самолёте.

ЯНТАРНЫЙ МУНДШТУК

Родителей дома не было. Папа ещё утром ушёл на работу, а мама совсем недавно. Она ушла в библиотеку и пробудет там, наверно, долго.

Пока мама одевалась в передней, Серёжа делал вид, что усиленно занимается уроками. Он то морщил лоб, то поднимал глаза к потолку и что-то бормотал про себя, то вдруг, хлопнув рукой по лбу, облегчённо вздыхал и усердно скрипел пером. Но только захлопнулась наружная дверь, Серёжа бросил ручку и потянулся.

Наконец-то ушла. Дома никого. Делай что хочешь!

Но Серёжа знает, что именно он будет делать. Он полезет в папин шкаф. Ух, сколько там интересных вещей! Но только почему папа не даёт посмотреть, например, на пишущую машинку? Ведь она не поломается. А зато как здорово выходит! Ударишь пальцем по клавишу, а там буква выскакивает. И звонок есть! Как валик сильно отойдёт в сторону, так он – дзинь! – нельзя дальше! И Серёжа двигает его обратно. А од-

нажды валик застрял. Ну и пришлось же тогда помучиться! Без футляра машинку в шкаф не положишь, а футляр не надевается: валик мешает.

У Серёжи пот выступил на лбу. И нажать посильнее на валик страшно – вдруг что-нибудь там согнётся! А тут ещё телефон зазвонил.

– Серёжа, чем ты занимаешься? – спросил папа.

«Уроки делаю...» – хотел было бодро сказать Серёжа, да вышло, видно, как-то неубедительно, потому что папа снова спросил:

– А почему у тебя голос дрожит?

Но всё-таки валик на место стал.

И ничего хитрого там не было! просто нужно было на одну кнопку нажать.

А ещё у папы в шкафу спрятаны цветные карандаши и краски. Краски лучше карандашей. Они лежат в деревянной лакированной коробочке. Когда открываешь крышку, из коробки на двухэтажных полочках поднимаются все краски. Серёжа уже не раз слюнявил палец и тёр им по краскам. Палец делался или синим, или красным и смешными узорчиками отпечатывался на бумаге. Эти краски подарят Серёже, когда ему исполнится тринадцать лет.

Вот радость – три года ждать! Как будто сейчас рисовать не хочется.

Вообще папа только обещает. А чтоб сразу подарить – жалует. Говорит, поломаешь. А что Серёжа – маленький, что ли? Вот не поломался же бритвенный прибор, когда на него посмотрели? Не поломался. А приборчик совсем новенький и весь блестит, как зеркало. Даже смотреться можно. Лицо какое-то чудное становится – длинное и тонкое, как у лошади. И машинка для точки бритв тоже Серёжина будет. Она жужжит, когда её крутишь.

Ещё папа обещал, что через десять лет подарит мундштук. Он, наверно, думает, что Серёжа курить будет. Только он ошибается.

Серёже не нравится этот горький дым. От него чихать хочется и голова болит.

Мундштук достался папе от дедушки. Серёжин дедушка был кавалеристом. В русско-японскую войну он однажды с

командиром своего эскадрона выехал на разведку. По дороге они наткнулись на японцев. Их было больше, и они тоже были на конях.

Размахивая саблями и стреляя на ходу, они погнались за русскими разведчиками.

Под командиром эскадрона убило лошадь. Она с размаху упала на землю и придавила командиру ногу. Японцы приближались, но дедушка не растерялся. Он помог командиру выбраться из-под убитой лошади, посадил к себе на лошадь, за спину, и рванул поводья.

Вечером на привале к костру, где сидел дедушка, подошёл командир.

Он обнял дедушку, поцеловал его в губы и сказал:

– Вот, возьми на память мой мундштук. За смелость дарю.

С тех пор дедушка берёт этот мундштук, потом своему сыну, то есть Серёжиному папе, подарил. И тоже велел беречь. И совсем не обязательно из него курить. Он может и просто так лежать. Но зато у кого он будет храниться, тот всегда должен быть смелым.

Ведь не зря папа про мундштук говорил, что он ему очень дорог. А посмотреть – так чего ж тут дорогого! Был бы из золота, тогда дело другое. А то из камня, из янтаря, но всё же очень красивый, а если посмотреть на свет – такой жёлтый-жёлтый.

У толстого конца его, куда папирота вставляется, вырезаны чудные животные – не то олени, не то быки – и какая-то женщина о рыбьим хвостом, а около тоненького конца – серебряное колечко. На колечке какие-то закорючки нарисованы, а может, что и написано.

Только одна закорючка на букву «Ж» похожа, а другие, как ни читай, всё равно не разберёшь.

А всё же, наверно, приятно из него курить! Папа вставляет в него папироту только после обеда и когда гости приходят. Остальное время мундштук лежит в чёрненьком футлярчике в шкафу и ещё под замком. Вот как берегут его!

У папы два ордена, он с фашистами воевал. И он как-то рассказывал, что даже на войне берёт драгоценный мундштук, боялся, чтобы он как-нибудь не выпал из кармана.

Серёжа вертит в руках мундштук. Смотрит через него в окно. Красивый какой! И во рту приятно подержать, как барбариску. Барбариска с дырочкой, и мундштук с дырочкой. Только он чересчур табаком пахнет, и даже на языке горечь.

Серёжа сплёвывает на пол.

Что случилось? Серёжа не верит своим глазам. Как это произошло? Он взял мундштук в рот. Во рту стало горько. Серёжа сплюнул, и... мундштук лежит на полу. Он лежит, освещённый солнцем, такой красивый, но уже короткий.

Кончика нет! Да вот он, кончик!

Серёжа тупо смотрит на мундштук, приставляет к нему кончик. Тот легко входит в серебряное колечко, но там уже не держится.

Что делать? Может быть, самому починить можно, как тогда машинку починил? Склеить его, что ли? Клея нет. Да простой клей, наверно, всё равно янтарь не возьмёт. Тут нужно особенным, а где его взять? И ведь только секунду назад всё было так хорошо. Зачем он полез в шкаф? А папа тоже хорош: раз прячет ключ от шкафа, так надо прятать, чтоб его никто не нашёл. А то положил под бумагу на письменном столе...

Что делать? Позвонить папе на работу? Маме рассказать? Ох и влетит!

Но Серёже уже не страшно, что ему попадёт. Он готов даже к тому, что его убьют. Но ему жалко до слёз янтарный мундштук. Он вспомнил, как берёг его папа, как прочищал его ваткой, как в спирту обмывал. А ещё жалко, что в двадцать лет у него уже не будет такого подарка. Мундштук дедушка передал папе, папа в боях с ним бывал, и он не разбивался, а теперь?

«Папочка, милый, что делать? Я больше не буду лазить к тебе в шкаф!»

Дрожащими пальцами Серёжа складывает мундштук с отбитым кончиком в чёрненький футлярчик и запирает шкаф.

Солнечного апрельского дня для него больше не существовало. Он плохо обедал и всё время молчал. Мама тоже ни о чём не расспрашивала. Но Серёже казалось, что она уже всё знает о разбитом мундштуке и ждёт, пока он сам расскажет. А он не может рассказывать. Не может! И что тут говорить, если он папу расстроит? А может, лучше рассказать обо всём?

Надо быть смелым, как дедушка. Вот сейчас подойти к маме и сказать: «Делайте со мной что хотите, – мундштук разбил я». Пойти или не пойти?

Серёжа до вечера не находил себе места. Ребята звали играть в футбол, но он не пошёл.

А когда за окном зажглись фонари, он лёг в постель. Болела голова.

Мама положила ему на голову холодный компресс, но Серёжа снял мокрую тряпку.

Пусть болит, так и надо...

Проснулся он ночью.

Мама ходила вокруг стола и, потирая пальцами виски, взволнованно шептала:

– Не брала я мундштука, не трогала! Пойми же, кому из нас вдруг понадобился этот мундштук? Серёже? Серёжа в шкаф не полезет. Я за него ручаюсь. А если бы он заглянул туда, то сказал бы.

Нарочно поворачиваясь к стенке, Серёжа ещё раз на секунду приоткрыл глаза.

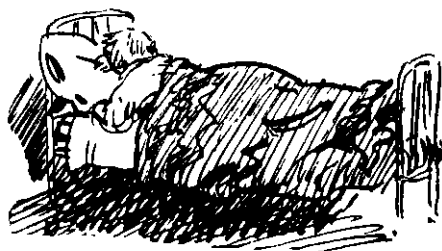
Папа сидел за столом и держал в руках разбитый мундштук.

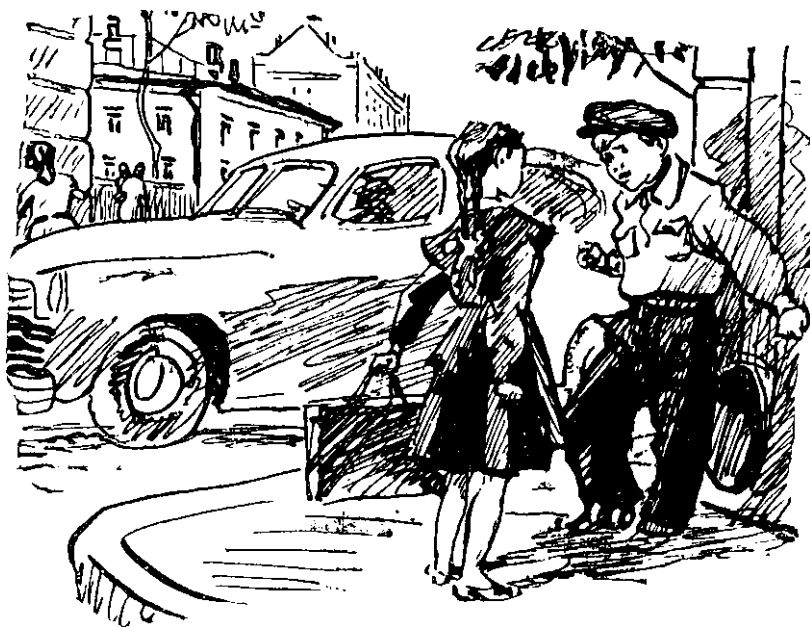
– Да я ни на кого не сержусь, – грустно говорил он, – мундштук ведь у меня ещё на фронте разбился. Его осколком задело. В каком-то, уж не помню, городе я отдал его в мастерскую. Там на клеенное место вот это серебряное колечко положили. Только не понимаю, когда он успел опять расклеиться? Видимо, я как-нибудь неосторожно положил.

Тёплые слёзы медленно покатались у Серёжи по щекам. Он тяжело вздохнул и тихонько всхлипнул.

А мама сказала папе:

– Тише! – И, приложив палец к губам, кивнула на Серёжу: – Не разбудить бы...

ЗАПИСКА

Федю Зайцева с позором выгнали с урока. И мало того, что выгнали, – Клавдия Сергеевна ещё написала записку к отцу: «Уважаемый товарищ Зайцев, прошу обратить внимание на поведение вашего сына. За последнее время Федя очень разболтался: на уроках подсказывает, много разговаривает со своей соседкой, а сегодня пытался кукарекать из-под парты».

– Покажешь эту записку папе, – сказала Клавдия Сергеевна, – и пускай он на ней распишется. Понял?

– Понял, – угрюмо ответил Федя и стал собирать книжки. «Ох и вредная у нас учительница!» – подумал он.

Но кто его дёрнул кукарекать? Сидел бы себе спокойно, и от отца бы не влетело. А теперь пойдешь покажись ему со страшной запиской! Отец такой выговор закатит – не обрадуешься. И во всём виновата Софка. Это она всё подбивала: «А ну-ка, Федя, кукарекни! Все мальчишки должны быть смелыми». Ну,

Федя и показал себя. Софка-то осталась в классе, а он... ох и жизнь пошла!

Вообще эта Софка была какая-то странная девчонка. Федя сидел на задней парте один, а Софка взяла переложила к нему свой портфель и заявила: «Мне отсюда лучше на доску смотреть. Я дальнорская. Теперь будем вместе».

Федя хотел было взбунтоваться, но, увидев, что у Софки на руке настоящие часы, смирился. С часами хорошо сидеть, можно в любое время узнать, сколько минут остаётся до конца урока.

Ну и с тех пор у них и пошло: что ни урок – то сплошные разговоры с Софкой и сплошные замечания от учителей.

Отец у Феде работал мастером на заводе. Человек он был строгий, молчаливый. А если скажет слово – как топором отрубит. Всё будет по-отцовскому. Например, запретил он Феде два дня выходить на улицу за то, что Федя сказал бабушке, что она разбирается в пионерских делах, как свинья в апельсине, – и Федя сидел дома как миленький. Или вот другой случай. Федя взял и на своём велосипеде стал выделывать разные фокусы: управлять ногами, ездить задом наперёд, – и врезался в дерево. На колесе образовалась «восьмёрка», руль был свёрнут, а рама поцарапана. Отец посмотрел на велосипед и сказал: «Хватит! Раз не умеешь беречь вещь, не будешь кататься целый месяц». И всё было, как сказал: Федя не катался ровно тридцать один день.

А какое наказание отец теперь выдумает – неизвестно.

Да, впрочем, не так было страшно для Феде наказание, как мысль о том, что отец опять разволнуется и у него будет болеть сердце. Ему врачи давно запретили волноваться, и дома, например, мама всегда создаёт для него покой. И Федя отца бережёт: не топает ногами в комнате, не поёт, а Вовку-соседа бьёт только на улице. А сегодня он не удержался – сорвался.

Федя бродил по улице после школы и долго раздумывал, идти ли домой или не идти. Может быть, сесть на какой-нибудь поезд и уехать на целинные земли? Или вот неплохо было бы, если бы его легонько сбил автобус. Ударил бы крылом не сильно, и Федя пролежал бы дома дней десять, и всё бы забылось: и его кукареканье и записка. А к нему могла бы прихо-

дить Софа с конфетами и печеньем, каким она всегда его угощала на уроках.

Но когда уже начало смеркаться, Федя решил, что лучше всё-таки не сталкиваться с автобусом, и пошёл к своему переулку.

Дома мамы не было, и Федя, съев холодный обед – это его пускай девчонки разогревают, а он не хозяйка! – уселся за телевизор. Но мысли о записке не давали ему покоя. Показать ли её папе или не показать? А вдруг отец разволнуется и с ним опять плохо будет?

«Ну, Софка, погоди – я тебе тоже что-нибудь подстрою!»

А что, если пойти и отлупить Софку? Раз с ним произошло такое несчастье, пускай она тоже поплачет.

Сказано – сделано. Федя быстро оделся. Девочка жила через переулочок. Он поднялся к ней на второй этаж и позвонил.

– Федя, это ты? – сказала Софина мама, маленькая черноволосая женщина, открывая дверь. – А Софы нет дома. Что ей передать?

– Скажите, что я приходил... по делам.

– А может быть, ты её в комнате подождёшь, если что-нибудь важное...

– Нет, спасибо, – ответил Федя, а сам решил, что дождётся Софку у парадного.

Он вышел на улицу и вдруг увидел, что навстречу идёт Софка. Она шла, размахивая чёрной папкой с нотами, и гнала, как мячик, перед собой консервную банку.

– Софка, стой! – Федя схватил её за рукав и наступил на банку ногой. – Ты что меня подговаривала, чтобы я кукарекал?

– Ничего. Отдай банку!

– Банку... А вот как я тебе дам сейчас, тогда будешь знать!

– Ха, подумаешь, какой храбрец нашёлся: на девчонках силу пробовать! Да мало ли что я тебе скажу! Вот бросься с десятого этажа – ты бросишься, да?

– С десятого не прыгну, а со второго могу.

– Ну вот прыгни!

– Ты мне зубы не заговаривай! Нашла дурачка! Я пойду прыгать, а ты – домой?

И Федя что есть силы дёрнул её за рукав. Потом он хотел стукнуть Софку по голове, размахнулся, но тут она вывернулась, и Федя, стоявший одной ногой на банке, чуть-чуть не шлёпнулся на землю. Девочка понеслась к дому. Федя растерялся, а когда сообразил, что надо догонять её, Софка уже была у своей двери.

М-да-а... теперь дела совсем плохи. Теперь Софка со зла разболтает, что он получил записку, а её мама возьмёт да и позвонит Феединой маме – и тогда какую!

Федя побежал к себе домой в надежде, что его мама не пришла с работы и он сможет выключить телефон. Но когда он подошёл к своей двери, он почувствовал, что на их лестничной площадке пахнет чем-то жареным.

Мама хлопотала на кухне. Увидев Федю, она его поцеловала, потрепала волосы и весело спросила:

– Ну, как дела?

– Ничего, – нарочито бодрым голосом ответил Федя, а про себя добавил: «Ничего хорошего!»

С горя он пошёл в чуланчик и принялся проявлять свои снимки. Вчера было воскресенье, и Федя снимал папу и маму на фоне стоявшей в переулке чужой «Победы».

Но в чуланчике также не повезло. Федя засветил три пластинки и облил себя проявителем. На белой рубашке появились коричневые пятна. Федя опять разозлился на Софку. Это она была во всём виновата! Но тут пришёл контролёр из газовой конторы и попросил маму расписаться в своей книжке.

– Федя, у тебя есть карандаш? – спросила мама.

– Есть! – крикнул Федя из чулана. – Возьми в моём портфеле!

Мама расписалась. Но как только контролёр ушёл, она немедленно позвала сына в комнату.

– Что это значит? – спросила она. В руках у неё была записка от Клавдии Сергеевны.

Вот чёрт дёрнул Федю сказать, что у него есть карандаш в портфеле!

– Да так... – сказал Федя. – Нам всем такие написали.

Мама прочла записку один раз, потом второй и вдруг тихо сказала:

- И ты считаешь, что это – ничего особенного?
- Ну, мама, ведь сама-то учительница не ругает меня, а просто сообщает о моём поведении. Так что ж тут такого!..
- Это безобразие, Фёдор! – повысила мама голос. – Мы с папой вдвоём трудимся, ничего для тебя не жалеем, а ты?! Ну, погоди, придёт папа...
- Мама, – тихо сказал Федя, – я тебя очень прошу – не говори папе.
- А ты почему себя так ведёшь. Почему?
- У Феде тряслись коленки – доукарекался!
- Мама ещё долго кричала, а потом хлопнула дверью – ушла на кухню.
- И вскоре пришёл отец. Федя слышал, как он, моя руки на кухне, разговаривал с мамой. Но она о записке пока не говорила. «Наверно, скажет после обеда, чтобы аппетита не портить», – подумал Федя. Он принялся за уроки. Но, конечно, ни одна задачка ему не шла в голову. Он всё время ловил обрывки разговоров отца с матерью. Однако мать ни слова о записке.
- И вдруг раздался телефонный звонок. Папа подошёл к аппарату.
- Да, это я, – сказал он. – А что такое, Софа? Я тебя слушаю.
- Федя быстро-быстро побежал в переднюю и хотел улизнуть на улицу, но здесь его задержала мама.
- Куда пошёл – гулять? Сиди дома! – строго сказала она.
- Не может быть! – продолжал свой разговор папа с Софой. – И его выгнали?!
- Расплата приблизилась. И как Федя эту Софку ещё раньше не пристукнул?!
- Отец, закончив разговор, положил трубку и хмуро посмотрел на Федею:
- Где записка?
- Федя принёс свой «камень».
- Отец прочитал записку, вынул из верхнего кармана пиджака тонко очинённый карандаш и быстро расписался на ней. Потом он медленно погладил себя рукой по груди.
- Ну что? – тихо спросил он. – Взгреть?

– Как хочешь, – ответил Федя, отводя взгляд в сторону.

– Ты сегодня приходил к Софе?

– Приходил.

– И вы действительно договорились о том, что с завтрашнего дня будете хорошо себя вести? Был такой разговор?

Федя хотел сказать: «Был!» – но потом, решив быть до конца честным, сказал:

– Нет, папа... Но завтра будет!

ЗАПАЛ

Утром Петя проснулся от осторожного постукивания в окно. Перед домом, в саду, густо заросшем кустарником, стоял Лёвка. Босые ноги у него блестели от росы.

– Мать дома? – воровато обернувшись, спросил Лёва.

– Нету. На базар уехала, – зевнул Петя и ожесточённо стал протирать кулаками глаза. Вчера он допоздна читал книгу о войне, и теперь всё тело было тяжёлым и вялым.

– Дело есть, – сказал Лёвка. – Тут недалеко пройтись. Пойдём?

– Неохота, – отмахнулся Петя, – посплю ещё.

– Давай, давай одевайся! – настаивал Лёва.

Лёва жил от Пети через два дома, и встречаться по своим мальчишечьим делам они могли каждый день, иногда даже ночью, если уговаривались идти на рыбалку. Но на сегодня никакого уговора не было, а Лёвка пришёл чуть свет.

Что это за дело у него?

Село просыпалось. Был воскресный день.

Хлопая калитками, из палисадников выходили приодетые колхозницы в белых платках, в вышитых кофточках. Шлёпая босыми ногами по пыльной дороге, они несли на базар бидоны с молоком, корзины с яблоками и помидорами, яйца, сметану. Могучие волы, запряжённые парой, безразлично тянули скрипучие повозки. На них стояли корзины с овощами. А на том месте, где раньше была недавно сгоревшая изба, уже белел низкий сруб. На нём верхом сидел дядя Матвей и топором отваливал от бревна щепу.

За село ребята выбежали быстро и весело, с ходу слетели в овраг. Место было знакомое. Здесь они не раз пекли в золе картошку. Овраг был в рост человека. С одной стороны обрывистый, с другой – пологий. Во время войны по нему проходила оборона фашистов. Сейчас где-то в кустах свиристела пичужка. Стояла приятная тень, пахло сыростью. Лёва шёл, раздвигая заросли орешника. Петя, идя за ним, остерегался, чтобы оттянутые кусты не выхлестнули глаза. Под ногами, пробившись сквозь листву, двигались солнечные пятна. От этого рябило в глазах и казалось, что земля шатается.

– Ну чего ты меня сюда завёл? – уже несколько раз спрашивал Петя.

– Погоди, погоди, – отвечал однообразно Лёва. – Увидишь – ахнешь!

Наконец над грудой свежесорванных листьев он остановился и сказал:

– Смотри!

Листья, шурша, отвалились к Петиним ногам. Два небольших снаряда с зеленоватой окисью на корпусах и позелевший от времени запал от гранаты тускло поблёскивали на солнце.

– Ну? – вскинул сияющие глаза Лёва. – А ты не хотел идти... Это же самые настоящие снаряды!

Лёва, как маленького ребёнка, любовно подхватил снаряд и положил на руки.

– Ты смотри сюда. Вот эта часть – головка. Она как стучается об землю, так взрывается. А эта часть – гильза. В ней порох запрятан. Он такой разноцветный, как конфеты. Мне его один военный показывал. Мы их сейчас домой возьмём и там раскупорим. Головки выкинем, а порох пригодится.

Дрожащими руками Петя поднял с земли снаряд. Если бы не Лёва, он вообще бы побоялся к нему подойти – ещё, чего доброго, взорвётся! Но при Лёвке бояться нельзя. Он ребятам может рассказать, что Петя трус. А Петя не трус. Он просто не хочет баловаться со снарядом. Вот в соседней деревне мальчишки нашли мину и добаловались! Одному палец оторвало, другому осколок в бок попал...

– Пошли, потом рассматривать будем! – сказал Лёва, запихивая в карман запал от гранаты. – Да ты не бойся – снаряды в руках не взрываются. Их и кидать можно. Во как!

Лёва высоко подкинул снаряд и поймал его. Петя, осмелев, тоже легонько подкинул свой.

Шагал Петя быстро. Ему приходили в голову всякие смелые мысли. «Во-первых, – думал он, – снаряд можно на ходу перекидывать из рук в руки, потом можно его покатить по земле, как брёвнышко... А ещё интересно бы положить его на плечо и нести возле самого уха».

После таких мыслей он почувствовал себя и впрямь бесстрашным человеком.

– Сейчас пойдём ко мне, – говорил Лёва. – У меня тоже все ушли. Возьмём молоток и чик-чик! – разом всё обделаем. А из запала свисток милицейский сделаем...

Припекало. Солнце поднялось уже высоко, и ни одно облачко не закрывало его спокойного сияния. Стояло погожее бабье лето. На сжатых полях стрекотали мириады кузнечиков. В голубом небе, курлыкая, учительской галочкой летели журавли.

Входя в село, ребята засунули снаряды под рубашки. Около нового сруба их окликнул дядя Матвей:

– Эй, что несёте? Огурцы чужие?

– Не! – задорно улыбнулся Лёва. – Не угадали.

Когда вошли во двор и заперли за собой калитку, Петя устало присел на скамейку.

– Искупаться бы сходить...

Интерес к снаряду у него уже немного остыл. Всё оказалось простым и обычным. Так можно нести и любой кусок железа.

Лёва тоже порядком устал. До оврага было с километр ходу, а снаряды весили килограмма по три каждый.

– Пойдём окунёмся, – согласился он. – Только сначала эти штуки за сарайкой зарю, а ты, хочешь, почисти пылью запал. Блестеть будет...

Зажав между большим пальцем и мизинцем трубочку запала, Петя стал протирать её пылью. После нескольких движений трубочка из ярко-зелёной превратилась в серо-зелёную, потом этот цвет поблёк, и вскоре за оставшимся сизым налётом уже стали проступать жёлтые блестящие царапины. Запал был сделан из латуни.

«А что, если трубочку разрезать ножом и посмотреть, как там устроено?» – подумал Петя и вытащил из кармана самодельный складной нож. Положив трубочку на скамейку, он надавил ножом на кончик запала. Трубочка смялась. Петя нажал посильнее, и вдруг что-то огненное, что-то очень страшное ударило ему в лицо, в рот, в уши, разбросало руки и опрокинуло на спину.

Очнулся он через минуту. Боли никакой не было. Только на груди лежал тяжёлый камень и мешал дышать. «Умираю...» – подумал Петя и дико закричал. И сразу кто-то сильный подхватил его, положил на мягкое. Пахнуло сеном, и снова в нос ударил тошнотный запах крови. Издалека донёсся чей-то голос, очень похожий на голос дяди Матвея:

– Ах, сорванцы, что наделали!

Петя ясно различил эти слова, понял, что дядя Матвей подхватил его на руки, но всё это как-то проходило мимо сознания. И только один, вдруг неизвестно откуда надвинувшийся женский голос не давал ему покоя. Этот голос выкрикивал одно и то же:

– Петенька, боже ты мой! Петенька!

– Мальчик, проснись! Уже завтрак!

Тёплая женская рука осторожно поглаживала по плечу. Петя сладко потянулся, выпячивая грудь, поднял веки и... ничего не увидел. Испуганно схватился за глаза и, почувствовав на них повязку, сразу вспомнил вчерашнее.

– Где я? – чуть слышно спросил он.

– В больнице, в больнице! – торопливо ответила женщина. – Не волнуйся. Сейчас завтракать будем.

Петя помолчал. Потом, чётко выговаривая каждое слово, медленно спросил:

– А как же я есть буду? Я же не вижу!

«Не вижу!» У Пети внутри похолодело. Ему нестерпимо захотелось сорвать повязки и выскочить из этой жуткой темноты. Но руки не повиновались. Он почувствовал, что от ощущения какого-то нарастающего страха у него начинают путаться мысли.

Скорей, скорей заговорить о чём-нибудь! Но вдруг горло сжала спазма. Петя всхлипнул.

– Ну вот, здравствуйте пожалуйста! – с мягкой укоризной сказала женщина. – Лучше раскрывай-ка рот.

Пете в зубы ткнулась ложка. Каша обожгла губы. Петя отдёргнулся и поморщился.

Женщина подула на ложку.

– И что плакать? – сказала она. – Приедет профессор, посмотрит, и тогда станет ясно: плакать или не плакать.

И Петя услышал, как несколько мужских голосов около него ответили:

– Верно! Верно!

Пете стало веселее. Значит, не он один такой. После завтрака санитарка Фрося взбила подушку, поправила одеяло и вышла. Петя разговорился с соседями по палате. Их было двое. Один – Борис Фёдорович, бывший лейтенант (он Пете понравился сразу), другой – старшина Афанасий Дмитриевич. Они были ранены во время войны, но до сих пор не могли избавиться от разных осложнений. Свет они видели, но плохо. Еле-еле различали предметы.

– Ох и лежать же надоело! – как взрослому, признался Пете лейтенант. – Лежишь себе и думаешь: провались оно всё пропадом – тоска зелёная! И только одно утешает: не зря пострадал.

– Вам-то что, – вздохнул старшина, – вы-то будете хорошо видеть. А мне-то как придётся – не знаю. Но тоже не робею. Слепой, а жизнь дороже.

Старшина громыхнул спичечным коробком.

– А ты, хлопчик, как пострадал?

Петя почувствовал, как под повязкой вспотели щёки. Ему стало стыдно.

— У меня запал взорвался, — тихо признался он. — Я его ножом разрезал.

— Что?! Что?! — приподнялся на постели старшина. Под ним зазвенели пружины. — Запал взорвался?!

Голос старшины был злой, нехороший. Петя сжался в комок. Ему показалось, что старшина встаёт с постели и направляется к нему. Он готов был закричать: «Я не виноват! Это меня Лёвка научил!» — но тут в палате скрипнула дверь, и Фрося позвала:

— Мальчик, к профессору, на осмотр!

Петя был рад приходу санитарки. Она такая добрая и ни о чём не расспрашивает.

Пособив надеть халат, Фрося осторожно вывела Петю в коридор. Он впервые шёл вслепую. Он старался представить себе, что играет в жмурки и ничего тут страшного нет, но всё же инстинктивно ступал по-кошачьи, словно перед каждым шагом его ожидала яма. В голове стоял один вопрос: что скажет профессор?

Он не видел, как вошёл в полутёмную комнату с занавешенным окном. Не видел, что его окружили врачи, а перед ним уселся профессор в белой шапочке и в очках, вырезанных в форме полумесяца.

С головы начали снимать повязку. Женский голос докладывал:

— Хлопов Пётр. Одиннадцать лет. Ранен при взрыве запала. Пытался разрезать его ножом. Лёгкий ожог рук и помутнение хрусталика на обоих глазах.

— Ну-с, голубчик, держи голову так.

Петя услышал старческий голос и почувствовал, как мягкие пальцы приподнимают его за подбородок.

В руках профессора поблёскивал офтальмоскоп — круглое зеркальце на палочке. Жёлтый зайчик, отражённый зеркальцем от маленькой, но яркой лампочки, поплясал у Пети на лице и скатился на правый глаз. Петя зажмурился. Увидел свет. Правда, он был похож на свет далёкого фонаря в ночи. Фонарь будто под ветром раскачивался из стороны в сторону.

— Замечаешь?

— Замечаю.

— Хорошо видно?

– Нет, мутно.

Профессор долго не отпускал Петю. Он просил то поднять глаза кверху, то опустить вниз, то смотреть в стороны.

Потом, положив руку на плечо, сказал:

– Ну-с, голубчик, будем лечить.

После обеда к Пете пришла мама. Она сидела на краешке постели и гладила его по волосам. Большой кусок пирога Петя жевал молча. Он чувствовал, что между ним и матерью встала какая-то преграда. И эта преграда – он сам, его баловство с запалом. Мама одевала его, кормила, отдавала самые лучшие куски (Петя замечал это!); если он болел – просиживала с ним целые ночи. Да что только не делала мама, чтобы Петя рос красивым и здоровым! А он? А он взял и в одну секунду поломал мамины труды. Ну, куда он теперь годен – слепой? Как он сможет помогать маме под старость!..

С матерью Петя простился холодно, хотя ему до слёз было жалко её. Но побороть себя он не мог.

Вечером Борис Фёдорович рассказывал сказку. Сказка была про Ивана-царевича и Василису Прекрасную. Лейтенант очень здорово умел менять голоса. Царь Берендей, и Кощей Бессмертный, и Василиса Прекрасная говорили у него поразному.

Старшина то и дело с азартом перебивал:

– Ну, а дальше что?

В палатной тишине Пете ясно представлялось подземное царство Кощея, такое страшное, с ведьмами, чертями и бушующим огнём. А сам Кощей был просто-напросто скелетом. Такой скелет Петя видел в биологическом кабинете школы. И почти как наяву Петя увидел погоню за Иваном-царевичем.

Засыпая, он подумал: «Вот чудно как! Взрослые люди, а рассказывают детские сказки!..»

Сентябрьские погожие дни сменились непрерывными дождями. Каждое утро Пете закапывали что-то в глаза и шприцем кололи руку. После укола Петя хватался рукой за лоб и, посасывая сквозь зубы воздух, взад-вперёд молча ходил по перевязочной – терпел. Повязка с головы у него была уже снята, но, как он ни пытался, поднося к глазу, рассматривать какой-нибудь предмет, увидеть всё равно ничего не мог.

А солнце, которое иногда проглядывало сквозь тучи, казалось ему тусклым и расплывшимся.

Между завтраком и обедом, если не крапал дождь, Петя обычно выходил на двор с Борисом Фёдоровичем. Гулять с ним было интересно. Он угощал семечками и часто рассказывал о фронтовой жизни. А ещё они подходили к барану, который щипал траву. Петя со смехом крутил его за рога, а потом давал обнюхивать руки. Мокрый нос барана доверчиво тыкался в ладони.

За эти дни Петя передумал о многом. Его мысли часто останавливались на Лёвке. К нему была лёгкая зависть. Вот он сейчас гуляет на свободе, ходит, учится, а Петя лежит. И вместе с этим Петя очень волновался за товарища: как бы Лёвке не вздумалось разбивать молотком снаряды...

Он хотел было о Лёвкином житье-бытье порасспросить у мамы, но, чувствуя, что она зла на Лёвку, расспрашивать не решился.

Но однажды, к Петькиному удивлению, мама сказала:

– Это тебе от Лёвки, – и сунула в руки большой пахучий шар.

Петя оставил яблоко до вечера. После ужина, оторвав зубами большой кусок сладкой мякоти, Петя вдруг обнаружил в яблоке записку. Она была свёрнута трубочкой. Такой способ передачи для Пети был не нов. Яблоко протыкается гвоздём, а потом в дырку запихивается записка. Но в больнице это была большая радость. Цпочесть записку Петя не мог, а показывать никому не стал. Мало ли что может Лёвка там написать! Так, непрочитанную, и запрятал в тумбочку.

Петя ждал операции. Об этом ему не раз говаривали и врачи и профессор. И даже, как у большого, спрашивали разрешения. Петя согласился. Он знал, что с операцией к нему должны прийти и школа, и товарищи, и санки, и многое другое, по чему он уже успел соскучиться. А без каких-то там хрусталиков, которые удалят, как сказал профессор, он обойдётся. Их вполне заменяют очки.

И вот однажды утром Петьке не подали завтрака. У Пети началась неприятная внутренняя дрожь. Он предчувствовал, что сегодня с ним произойдёт нечто особенное.

Действительно, вскоре в палату вошла сестра.

– Петя, на операцию! – сказала она весело и взяла его за локоть.

В большой операционной пахло спиртом. Петю положили на стол. Руки ему привязали к столу бинтами, а на ноги навалилась сестра. Сердце стучало так часто и сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из грудной клетки. Пете дали выпить какой-то порошок. Сердце мало-помалу успокоилось.

– Ну-с, голубчик, сейчас мы тебе подарим свет, – слышал Петька то удаляющийся, то приближающийся голос профессора. – Только не бойся, больно не будет.

Запах спирта ударил Пете в нос. Что-то кольнуло в правый глаз, и Петька почувствовал, как вслед за этим по глазу начали чем-то скрести. Боли не было. И вдруг – свет! Обыкновенный свет электрической лампочки ударил в глаз. Над глазом двигались чьи-то руки.

– Вижу! Вижу! – закричал Петя. – Я вас вижу!

– Ну и смотри на здоровье! – отозвался профессор.

Он был бородатый и усатый.

Нервы у Пети были напряжены. Больше сдерживаться он не смог и заплакал...

В свою палату Петя плыл на носилках. Ночью он не спал. Боялся, что, заснув, резким движением может случайно повредить глазам. Глаза болели. Лёжа на спине, он с завистью слушал лёгкий храп Бориса Фёдоровича и тоненькое посвистывание старшины. Петя думал о том, что глаза – самое основное в жизни. Правда, это была не его мысль, а мысль старшины, но понял её Петя очень ясно только сейчас, в первые часы своего прозрения. Раньше он об этом не задумывался, как вообще не думал о своём здоровье. Шёл дождь, и мама велела надевать калоши. Стоял на улице мороз, и мама завязывала горло шарфом. А Петя злился на неё. «Кутает, как маменькиного сыночка! – думал он. – Всё равно выйду на улицу и сниму». Теперь же ему очень хотелось, чтобы сейчас на постели сидела мама. Петя никогда-никогда не покинет маму, когда вырастет большой!

Под утро он заснул.

...Зрение улучшалось быстро. На пятый день врачи позволили повязку снять, и Петя уже самостоятельно мог ходить по больничным коридорам. Предметы и люди виделись ему

ещё как в тумане или как в речной воде. Петя подходил к столу и с тихой радостью говорил: «Это стол!» Точно так же он узнавал и стулья, и шкафы, и кровати. Такая же радость была и в первом классе, когда Петька впервые из слогов научился составлять слова.

Он замечал, что надпись в коридоре «Не курить» с каждым днём вырисовывается всё лучше и лучше.

За день до выписки Петю вызвали в перевязочную. Врач усадил его перед таблицей, на которой были напечатаны буквы, уменьшающиеся в размере, и стал подбирать очки.

– Ну, как видно?.. Ясно? – спрашивал он, вставляя в специальную оправу выпуклые стёкла.

– Не... не очень, – отвечал П е т я . – Всё расплывается.

– А ну-ка попробуем вот это стёклышко. Прочитайте пятую строчку.

– Лучше. Ой, здорово как! «Н, К, М, Б, Ы, Ш»!

Петя прочитал и последнюю строчку. Шрифт её был совсем мелкий.

– Молодец ты у меня! – сказал в р а ч . – В очках будешь сто процентов видеть!

«Четырёхглазый буду! – подумал П е т я . – Ребята задрязнят. А вдруг и Лёвка заступаться не будет?»

Но очки, которые сидели на носу, он снимать не собирался. Смотреть через них было удивительно приятно. Особенно за окно. Там уже лежал снег. Под солнцем он сверкал и слепил глаза. От больницы уходила санная дорога. Она была прямой и тянулась к лесу. Если идти по этой дороге, то можно прийти к своему дому. Иней лежал на стёклах, и Петя очень чётко различал причудливые его узоры.

Из перевязочной Петя побежал к себе в палату. Борис Фёдорович нашёл, что Пете очки к лицу. И даже сам примеривал их. Чтобы рассмотреть Петю в очках, он приближался к нему вплотную, нос к носу. Потом Петя присел возле тумбочки. На второй полочке, за коробкой зубного порошка, лежала записка от Лёвки.

Петя развернул её. Теперь он сможет её прочитать.

«Петя, здорово! – писал Л ё в к а . – Мне трудно тебе писать, потому что во всём виноват я. Мы с тобой были большие дураки. А снаряды, закопанные за сараем, я отдал дяде Матвею.

Он вlepил мне затрещину. Приходи быстрее, будем учиться вместе. Я тебе во всём помогу».

Петя разорвал записку. На сердце у него стало светло и хорошо. И какой он всё-таки хороший друг: «Я тебе помогу»,

Петя задумался. Вот он видит – пусть без очков еле-еле, но видит, а ведь могло быть и так, что... нет, об этом даже трудно подумать.

И чтобы развлечь себя, Петя вслух стал читать журнал «Огонёк», который лежал на тумбочке. Лейтенант и старшина попросили читать громче. Читал Петя до вечера. Он никак не мог оторваться от этих чудесных мелких строчек и разноцветных картинок.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

В детстве я частенько слышал, как мама говорила отцу:

— И что ты за человек! Ну ладно, я понимаю — ты занят, ни в кино, ни в театр не ходишь. Но хоть бы один раз догадался принести мне что-нибудь хорошее — ну, духи, что ли. Мне и самой нетрудно купить, но так хочется, чтобы ты подарил...

Отец преподавал в педагогическом институте географию. Дома, как мне казалось, он читал всегда одну и ту же толстую книгу. Он поднимал широкое доброе лицо, хватался за курчавые чёрные волосы и, глядя перед собой, шептал:

— Ой, убегу когда-нибудь на Мадагаскар! Убегу!

— Ну и б е г и, — отвечала м а м а. — Может быть, ты там перевоспитаешься.

Но однажды он пришёл домой сияющий и довольный.

— Ну-с, теперь, кажется, в точку попал. Вынимай! — сказал он и протянул маме портфель. — Ленты, кружева, ботинки — что угодно для души...

Мама радостно поцеловала отца, зачем-то подняла меня на руки и, покружив на месте, нараспев сказала:

– Посмотрим! Посмотрим, что наш папка принёс!

Она осторожно положила портфель на стол и раскрыла его.

– И зачем ты это принёс?! – ужаснулась м а м а . – На что мне тройной одеколон? Бреюсь я, что ли? Ребёнок какой-то...

В глазах у неё, как мне показалось, заблестели слёзы, пузатая бутылка тройного одеколona дрогнула в руках и жалобно булькнула.

Мне стало очень жалко маму.

Тогда я понял, что мы с отцом найдём общий язык. Он ребёнок, как сказала мама, и я ребёнок. И я стал к нему приставать:

– Пап, купи мне золотую рыбку, а? Мне уже не хочется с Козьмой Прутковичем играть. Он царапается.

Пушистый толстый кот Козьма Пруткович, как его называл отец, был игривый и хитрый. Садись завтракать – он первый вспрыгивал на стул и лапой пытался зацепить бутерброд. На угрозы шипел, как змея, и опять тянулся. И вообще, он казался мне таинственным. В тёмных углах под кроватями и шкафами у него были какие-то свои дела, он насторожённо заглядывал в щёлки и мяукал, будто вызывал кого-то из-под пола.

Однажды я собственным ключиком открыл буфет и попробовал немного печенья и конфет. Но вечером мама подошла прямо ко мне:

– Слушай, ты опять съел полкило конфет? Неужели мне придётся ставить французский замок?!

– Я не лазил в буфет, – ответил я. – Кто тебе сказал?

– Ах ты лгунишка! – возмутилась м а м а . – И тебе не стыдно отпираться? Мне кот об этом сказал!

– Кто-о?! – удивился я.

– Твой приятель – вот кто!

И тут я вспомнил, что кот действительно тёрся около ног и даже выпросил одну половинку, когда я сосал конфеты. Как он разговаривает по-человечьи, я не слышал ни разу, но тогда подумал: а не злой ли это колдун, превратившийся в кота? Глаза у него в темноте горели холодным зелёным пламенем,

и он, не выпадая на улицу, мог часами сидеть в форточке на тоненькой перекладинке.

Кроме царапин на лице и руках, особенных неприятностей, как колдун, он мне не делал, и я на него не обижался. Но, попросив о рыбке, я задумал другое.

Из сказок Пушкина, которые читала мама, мне больше всего нравилась «Сказка о рыбаке и рыбке». И особенно то место, где рыбка вдруг начинает разговаривать:

Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп.
Откуплюсь, чем только пожелаешь...

Я знал, что золотая рыбка – не простая рыбка. И появившись она в комнате, и будь я её хозяином, мама бы каждый день получала подарки.

– Рыбку купить? Это ещё что за новости! – удивлённо спрашивал отец. – Мать просит, сын просит – куда мне деваться? А вдруг я тебе щуку или судака принесу?

– Не... – говорил я, щёлкая языком, – мне золотую надо.

– Ну что ж, как-нибудь куплю, – наконец согласился он. – Только зачем она тебе?

– Пригодится... – ответил я уклончиво. – И даже ты обрадуешься.

Отец всегда обещал мне многое: и сходить со мной в Планетарий, и покатать на лодке в парке, и показать своего приятеля с пятью орденами. Наступал выходной день, отец завтракал и, ни слова мне не говоря, уходил в свою комнату. Когда я напоминал о его обещаниях, он отвечал: «Я сейчас... Мы уже идём» – и снова продолжал сидеть часов до четырёх. Потом за окном темнело, и идти куда-нибудь было уже поздно. Через щёлку дверей я видел, как он что-то писал или читал толстую книгу.

Я очень расстраивался, иногда плакал. Мама успокаивала:

– Ты бы уж лучше его не тревожил. Отец трудится над диссертацией, а ты ему можешь помешать.

Тут я думал, что и мама меня обманывает.

Я вспоминал слова одного доктора: «Три раза в день по десертной ложке...» – и мне было совсем непонятно, зачем вдруг отцу понадобилось изобретать какую-то новую ложку.

– Трудится. Всё сидит с утра до ночи! – недовольно говорил я маме. – Так и в Планетарий никогда не сходишь.

Но из-за того, что мне нестерпимо захотелось иметь золотую рыбку, я настойчиво мешал отцу читать. И вот в один из ближайших выходных дней, захватив стеклянную банку, он пошёл со мной в зоомагазин.

Сначала мы осмотрели зоомагазин. В высоких полукруглых клетках, вделанных прямо в стену, порхали синицы, чижи, канарейки. Продавщица в синем халате, принимая чек, серьёзно спрашивала:

– Вам какой сорт птицы – второй или первый?

И сачком, как для бабочек, всунувшись наполовину в клетку, ловила попку. Если у покупателей не было клетки, они зажимали птичку в кулак – из кулака торчала головка, очень похожая на человечью, – и, поднеся её ко рту, почему-то обязательно поили слюной. Потом засовывали птичку в карман и уходили.

Кудахтали куры... В одной из нижних клеток, будто после сытного обеда, важно крякала утка.

Мы с отцом подошли к ней. Крякать она почему-то перестала. Глядела на нас чёрными бусинками и красной лапкой, похожей на кленовый лист, почёсывала голову и молчала.

Тогда мы стали крякать, чтобы вызвать её на ответный разговор. И крякали, наверно, с полчаса, пока утка не повернулась к нам хвостом.

Рыбы в магазине почти все были золотыми. Высокая стена до самого потолка ступенями была уставлена широкими аквариумами с гранями из выпуклых ракушек. Вода в них была зелёной. От невидимых лампочек она искрилась, и со дна – так было устроено, – как жемчужины, всплывали пузырьки воздуха. Водоросли около них медленно шевелились.

Домой я торжественно нёс маленький, грубо выкрашенный аквариум. У отца в руках была стеклянная банка с золотой рыбкой. Из банки выплёскивалась вода, и отец плотно прикрыл её ладонью. Я боялся, что рыбка может задохнуться.

– Ну и представления же у тебя! – качал головой отец. – Она на воздухе жить не может, а в воде она... как рыба в воде.

Дома мы насыпали в аквариум песок и налили тёплой воды.

Целыми днями я сидел на подоконнике и наблюдал за рыб-

кой. В своей стеклянной комнате, то всплывая за кормом, то плавниками взбивая песок, она чувствовала себя, как в синем море. Освещённая осенним солнцем, она казалась мне живым золотом, и, как ни тянуло похвастаться, я боялся показать её своим приятелям.

Мы дружили с рыбкой. В аквариум я спустил деревянный домик. Иногда она вплывала туда через дверь, а выплывала через окно.

Я рисовал в уме, что там уже живут рыбы дети и за маленьким столом на крошечных тарелочках они едят то, что им приносит мать. А гулять она их не пускает потому, что на улице сыро.

Когда я стучал пальцами по стеклу, как меня научил отец, рыбка, виляя хвостом, подплывала и часто разевала рот. Казалось, что она хотела открыть мне какую-то великую тайну. А что это была за тайна, я уже догадывался.

Однажды, когда дома никого не было, я осторожно вытащил рыбку из воды. Скользящая и холодненькая, она затрепетала в кулаке и начала часто-часто раскрывать ротик.

«Говорит!» – обрадовался я и поднёс её к уху. Тут я услышал звук, будто лопались пузырьки воздуха, а за ним тихие, но разборчивые слова: «Проси у меня что хочешь! Всё тебе будет!»

– Ладно, давай! – шепнул я рыбке и отпустил её.

В воде она быстро заметалась из стороны в сторону, и я был уверен, что это она радовалась происшедшему разговору. До этого дня я ни о чём не просил её, потому что ждал, когда она перетянет из магазина всех своих волшебников и помощников.

Вечером отец сидел за столом и, отхлёбывая из стакана чай, просматривал газету. Тоненькая ложечка в стакане изредка вздрагивала и звенела. Мамы дома не было. Она понесла больной соседке жареные гренки. Я подошёл к аквариуму и, осторожно постучав рыбке, тихо сказал:

– Рыбка, рыбка, подари маме настоящие духи! Только, чур, не подводить!

И лёг спать.

На следующий день шёл снег. Отец вернулся с работы весь облепленный снегом, и мама в передней помогала ему

снять пальто. Она встряхнула пальто и, услышав, как что-то звякнуло, засунула руку в карман.

– Что это такое? – изумлённо спросила она, извлекая маленький флакончик.

– «Крымская роза!» – торжественно улыбнулся отец. – Тебе принёс!

– Кому? – переспросила мама.

– Тебе!

– Честное слово?! А почему сразу не сказал?

– Ну что за разговоры... – чуть не обиделся отец.

– Тебе, тебе! – поддержал я отца. – Ещё и не то будет!

На мои слова она не обратила никакого внимания. Прищурившись, ещё раз посмотрела на отца, потом рассмеялась и поставила флакончик на свой столик. Духи приятно пахли, и запах чем-то напоминал мне зелёную полянку на даче. Я несколько раз с гордостью подходил их нюхать, пока не запретила мама. Видно, боялась, что разобью.

Проходя вечером мимо аквариума, я заметил, что к нему была прикреплена какая-то бумажка. На ней было что-то написано. «Письмо от рыбки!» – догадался я и, незаметно сняв его, отправился к больной соседке. Тётя Феня мне прочла:

– «Шатар-бахар-кужуй. Слушайся маму и во всём ей помогай. Трудись!» Что это значит? – спросила она, отдавая мне письмо.

– А ничего... такого... – равнодушно ответил я, боясь, чтобы тётя Феня не запомнила волшебное слово.

Я вернулся домой и стал стряхивать со стола хлебные крошки, потом отнёс на кухню две глубокие тарелки. Перед сном я сам постелил постель и впервые без маминой помощи умылся. Надев ночную рубашку, я снова постучал рыбке:

– Шатар-бахар-кужуй. Рыбка, купи мне велосипед, такой, как у Лёвки! А за маму тебе спасибо!

Просыпался я поздно, часов в десять утра. Протирал глаза, вспоминал сны и обдумывал своё будущее. Отец уже был на работе, мама на кухне варила обед.

В то утро я особенно долго тёр глаза и даже дёргал себя за волосы: возле моей кровати стоял блестящий трёхколёсный велосипед!

«И как получается здорово: не успеешь сказать, а она

уже – готово! – приносит, – раздумывал я, ощупывая никелированный звонок. – Вот так чудеса! Только, видно, надо трудиться!»

На велосипеде, отчаянно теребя звонок, я катался до полудня. А пришло время кормить рыбку – я ей высыпал почти весь корм.

– Откуда у тебя велосипед? – спрашивала мама.

– Ха-ха! – отвечал я, поглядывая на аквариум. – Ещё и не то будет!

После ужина я было опять полез на подоконник, но тут меня отозвал отец и шёпотом сказал:

– Ты опять к рыбке? Не надо, не проси у неё пока ничего. Пускай она немножко отдохнёт.

И я послушался отца. Действительно, такой маленькой рыбке, наверно, очень трудно было нести из магазина велосипед.

Я подолгу гулял на дворе: катался на лыжах, лепил снежную бабу. Рыбка без меня явно скучала, и я решил познакомиться её с Козьмой Прутковичем. Кот и раньше вспрыгивал на подоконник, но, получив однажды хороший нагоняй от отца, только издали любовался сверкающей в аквариуме золотой рыбкой.

Новым знакомством, как мне показалось, кот остался доволен. Когда я посадил его около аквариума, глаза его сделались большими, как у куклы, он мякнул и нетерпеливо переступил с лапки на лапку.

С тех пор, стоило мне остаться дома одному, кот без опаски лез на подоконник.

Однажды я вернулся и не увидел в аквариуме золотой рыбки. На полу спиной ко мне сидел Козьма Пруткович и, потряхивая головой, что-то жадно жевал. Я испуганно подскочил к нему и схватил за шиворот: изо рта его торчал золотой хвостик.

Я ударил кота и, дрожа от волнения, сунул руку в аквариум. Может, там что-нибудь осталось?

Но в деревянном домике не оказалось ни маленького столика, ни рыбьих деток...

И, прямо в пальто, не развязывая шарфа, не снимая шапки, я упал на пол и заплакал.

Злой колдун! Злой колдун! А я хотел попросить, чтобы рыбка свезла нас на синее море, чтобы Лёвка не отнимал у меня лыжи... Мне хотелось ружьё, самолёт для будущих героических подвигов. А теперь всё это было съедено!

В это время, красный с мороза, в комнату вошёл отец.

– Папа! – закричал я и показал на ладони золотой хвост и к. – Рыбка моя... кот... убей колдуна! Пожалуйста!

Отбросив портфель, отец взволнованно присел около меня:

– Ну что ты, маленький? Перестань, ведь это пустяки...

– На синее море хотел... – всхлипывал я, – ружьё... подарков...

– Ах, ты вот о чём! – Отец закусил губу, глаза его сделались задумчивыми. – Да, братец, это, конечно, большая потеря. Сочувствую. Но, знаешь, мне думается, что и этот золотой хвостик может тебе кое в чём помочь...

Отец не ошибся. Золотой хвостик, несмотря на то что мы его выкинули, продолжал приносить мне подарки ко дню рождения и устраивать ёлки. А однажды летом мы поехали на синее море. Там, выходя на пляж, я долго кликал золотую рыбку, но она не подплывала ко мне...

И только много-много лет спустя я понял, что золотой рыбкой был отец – его любовь, его труд.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛОДОЧНЫЙ МОТОР.	3
В ДОРОГУ.	.11
ЯНТАРНЫЙ МУНДШТУК	.17
ЗАПИСКА	22
ЗАПАЛ	28
ЗОЛОТАЯ РЫБКА	.39

Для младшего школьного возраста

Иосиф Иванович Дик

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Р а с с к а з ы

Ответственный редактор *Т. В. Жарова*. Художественный редактор *А. В. Пасина*. Технический редактор *Г. Е. Гафт*. Корректор *В. К. Мирингоф*. Сдано в набор 30/IX 1975 г. Подписано к печати 23/1 1976 г. Формат 60X90/16. Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 3. Уч.-изд. л. 2,47. Тираж 750 000 (375 001—750 000) экз. Заказ № 1670. Цена 10 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суэцкий вал, 49.

Дик И. И.

Д45 Золотая рыбка. Рассказы. Переиздание. Рис. В. Ладягина. М., «Дет. лит.», 1976.

47 с. с ил. («Книга за книгой»).

В этой книжке собраны весёлые и поучительные рассказы, написанные автором в разные годы.

Д $\frac{70802-239}{M101(03)76}$ 39P—73

P2

Цена 10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1976 году
вышли и выходят следующие книги:

Благинина Е. КЛЯТВА БОЙЦА.

Стихи

Евдокимов Н. РАССКАЗЫ О КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ.

Это – глава из романа «У памяти свои законы»

Коршунов М. ПЕТЬКА И ЕГО, ПЕТЬКИНА, ЖИЗНЬ.

Весёлые рассказы о современных детях

Фадеев А. МЕТЕЛИЦА САШКО

*«Метелица» – отрывок из романа «Разгром»; «Сашко» –
отрывок из романа «Молодая гвардия»*

Шманкевич А. КОЛЬКА-ТЕОРЕТИК.

Весёлые рассказы про мальчишек и взрослых.